

СЛОВО

ПРЕДЪ ОТПЪВАНІЕМЪ ПРОФЕССОРА ФИЛОСОФІИ

ВАСИЛІЯ НИКОЛАЕВИЧА КАРПОВА,

СЪАЗАННОЕ

РЕКТОРОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

Протоіереемъ І. Янышевымъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Печатано въ типографіи Департамента Удѣловъ. Литейный просп., № 39

1868

Извлечено изъ журн. „Христіанское Чтеніе“ за 1868 г.

С Л О В О ,

СКАЗАННОЕ ПРЕДЪ ОТПѢВАНІЕМЪ ПРОФЕССОРА ФИЛОСОФИИ
ВАСИЛІЯ НИКОЛАЕВИЧА КАРПОВА.

Чадца моя, писалъ Св. Евангелистъ Іоаннъ христіанской паствѣ, чадца мол, не любимъ словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною. И о семъ разумѣемъ, яко отъ истины есмь (1 Іоан. 3, 18. 19.).

И такъ, вотъ евангельскій пробный камень, или, какъ выражается наука, критерій истины: любовь, любовь не словомъ или языкомъ, но самымъ дѣломъ, истиною! Значить умъ, изслѣдователь и носитель истины, не имѣеть въ себѣ мѣры истинности своихъ познаній; значить занятіе наукою, хотя бы и самое настойчивое, познаніе умомъ, хотя бы и самое глубокое, сами по себѣ еще не приводятъ несомнѣнно къ истинѣ; значить между знаніемъ и дѣломъ, между наукою и жизнію можетъ лежать великая пропасть... Тогда лишь мы узнаемъ, что мы отъ истины, по мысли Св. Евангелиста, когда мы *любимъ*, любимъ не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною. Этимъ послѣднимъ сопоставленіемъ истины не съ словомъ, слѣдовательно и мыслию, и не съ языкомъ, слѣдовательно и съ выраженіемъ ея, а напротивъ, прямо съ дѣломъ, не выражаетъ ли Св. Евангелистъ, что истина есть плодъ не ума только, а

прежде всего сердца и воли, есть дѣло не науки, а жизни, есть сама эта жизнь, движимая любовію? И не напоминаетъ ли это намъ человѣка, вѣроятно не лишеннаго научнаго образованія своего времени, который однакоже и у стоящей предъ лицомъ его Истины все еще спрашивалъ: *что есть истина?*..

Но что же это значить, братіе: мы въ святилищѣ духовной науки, у гроба почти всѣмъ намъ общаго и, конечно, всѣми нами глубоко уважаемаго наставника, ревностнаго дѣлателя въ умственной области, которому собрались отдать послѣдній долгъ,—и между тѣмъ сомнѣваемся въ томъ, чтобы наука приводила къ истинѣ? Возможно ли, чтобы мы, изучая міръ и нашу собственную природу, изучая каждое слово и каждую черту жизни Того, Кто о Себѣ говорилъ: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. 14, 9), возможно ли, чтобы этимъ изученіемъ, добросовѣстнымъ и ревностнымъ, мы несомнѣно не приобрѣтали истины? Не говоритъ ли Сама Истина: *уразумѣете истину и истина свободитъ вы* (Іоан. 8, 32)?

Да, Слово Божіе говоритъ это въ извѣстномъ смыслѣ. Но Оно же говоритъ и нѣчто другое; говоритъ, что бываютъ лица, и именно въ христіанскомъ мірѣ, въ нѣдрахъ Церкви Христовой, которые всегда учатся и однако же никогда не могутъ дойти до познанія истины: *всѣгда учащеся и николиже въ познаніе истины притти могуще* (2 Тим. 3, 7). И это бываетъ именно тогда, когда мы ищемъ истины не такъ, какъ она сама хочетъ, чтобы мы ее искали,—когда мы хотимъ напередъ понять ее умомъ своимъ, чтобы потомъ усвоить сердцемъ и волею, тогда какъ она являетъ намъ себя затѣмъ, чтобы мы напередъ приняли ее всѣмъ существомъ своимъ,

жили бы ею и среди этой цѣлостной жизни давали бы надлежащій просторъ между прочимъ и уму своему: истина сокрыта не столько въ холодныхъ представленіяхъ ея логичности, сколько въ живомъ сочувствіи ея красотѣ, и въ свободномъ обладаніи ея благами.

Умъ, по самой природѣ своей, не способенъ къ этому всестороннему усвоенію истины жизни, — живущаго и потому непрестанно видоизмѣняющагося бытія; потому что не съ этимъ бытіемъ, не съ самою жизнію имѣетъ онъ дѣло, а лишь съ понятіями о ней, т. е. съ слѣдами миновавшей жизни, и большею частію съ слѣдами не своей, а чужой, едва угадываемой нами часто по самымъ отдаленнымъ аналогіямъ жизни; а между понятіемъ, даже добытымъ собственнымъ опытомъ, о вещахъ и живымъ впечатлѣніемъ отъ нихъ — не малая разница! И если однихъ понятій достаточно бываетъ для истины формальной, состоящей лишь въ ихъ логической симметріи, то отнюдь недостаточно ихъ для живой области такихъ фактовъ, которые существуютъ для непосредственнаго вліянія на всѣ стороны нашей природы и которые безъ этого вліянія теряютъ свой характеръ, теряютъ цѣль своего существованія. Есть безъ сомнѣнія и въ этой области для ума своя задача; но добываемая въ этомъ случаѣ истина не останавливается на одномъ холодномъ зеркалѣ, представляемомъ ей въ умѣ; она стремится пробиться дальше въ наше существо, хочетъ обитать и дѣйствовать въ той глубинѣ нашей духовной природы, изъ которой бьетъ живой родникъ нашихъ чувствованій и стремленій, въ самомъ средоточіи нашей жизни.

И какъ рѣдко, Боже мой, какъ рѣдко призма ума пропускаетъ лучъ истины до этого средоточія нашей

духовной природы! Какъ часто, наоборотъ, она отражаетъ его отъ себя холоднымъ, бесплоднымъ, преломленнымъ и разложеннымъ такъ, что среди понятій о явленіи жизни, самое явленіе ускользаетъ отъ насъ, исчезаетъ для насъ! Какъ часто событіе самое близкое нашей душѣ, самое жизненное, сдѣлавшись добычею мысли, обратившись въ понятія, обогативши по видимому умъ, остается совершенно потеряннымъ для другихъ силъ души, которыя, вдали отъ жизни, болѣе и болѣе осуждаются на бездѣятельность, чахнутъ, трагятся въ праздности! А привычки мысли упорны, не менѣе всѣхъ другихъ привычекъ и, сдѣлавшись своего рода страстями, становятся непобѣдимыми, какъ и всякія другія страсти человѣческія. И вотъ выходитъ, что ученый человѣкъ, навывшій схватывать явленія жизни съ ихъ умственной стороны, мало по малу становится неспособнымъ чувствовать ихъ, пользоваться ими, точно такъ, какъ еслибы лѣсъ могъ мѣшать кому-нибудь видѣть деревья и наслаждаться ихъ красотою, или свѣтъ могъ мѣшать видѣть солнце и согрѣваться лучами его. Или развѣ не бываетъ этого страннаго явленія, что мы бываемъ способны отдать самый точный отчетъ о вліяніи истины на человѣка и сами теряемъ способность чувствовать на себѣ это вліяніе? Развѣ не бываетъ, что иной изъ насъ можетъ написать цѣлый рядъ сужденій о дѣйствіяхъ благодати на душу человѣческую и не являть даже чаянія этой благодати въ своей жизни? О, если бы на свѣтѣ было столько же нравственно-добрыхъ людей, сколько въ немъ есть ученыхъ! Если бы въ Церкви Христовой было столько же дѣйствительныхъ христіанъ, сколько въ ней есть богослововъ!.. Какую силу имѣло бы тогда для всѣхъ

безъ изыятія просвѣщеніе, котораго и теперь такъ многіе все еще боятся, какъ заразы! Какое значеніе имѣло бы Слово Божіе, отъ котораго и теперь все еще многіе готовы бѣжать, не только изъ школъ, но и изъ храмовъ Божіихъ, лишь завидятъ проповѣдника.

Свѣтъ истины не былъ сокрытъ отъ ума и въ языческой древности. Не мало было и тамъ философовъ, которые умѣли, часто геніальнымъ умомъ, оцѣнить міръ, жизнь, себя самихъ,—которые, по мѣрѣ своего приближенія къ истинѣ, не могли не видѣть, какой густой мракъ они оставляли за собою, какое невѣжество тяготѣло надъ современнымъ имъ человѣчествомъ, предъ какими идолами оно слѣпо преклонялось, въ какомъ нравственномъ безсиліи оно безсознательно томилось. Но изъ всѣхъ этихъ мудрецовъ сколько нашлось людей, сохранившихъ въ себѣ живыми лучшіе инстинкты нашей природы, людей *отъ истины*, этихъ пророковъ языческаго міра, которые сочувствовали ей въ глубинѣ души, не пугались практическихъ задачъ, въ которыхъ неизбежно является она,—которые для того, чтобы не разстаться съ истиною, рѣшились, подобно Сократу, скорѣе умереть съ нею, чѣмъ измѣнить ей, или, подобно Платону, смиренно исповѣдать свое безсиліе и ждать помощи съ неба! А большинство философовъ? Умамъ этого, нравственно-мертваго большинства, такъ трудно было заключать условія съ ложью, мириться съ нею, и свою мнимую мудрость зарывать въ пустой диалектикѣ и софизмахъ, которые уживаются со всѣмъ на свѣтѣ...

Но вотъ явилась въ міръ Сама воплощенная Истина, явилась живущею во очію людей. *Азъ есмь свѣтъ міру*, вѣщала Она (Іоан. 8, 12); *Азъ есмь путь, истина и*

животъ (Іоан. 14, 6). Все, что было лучшаго, благороднѣйшаго въ человѣческомъ родѣ, мало по малу было привлечено къ явившемуся Солнцу Правды. Крестъ Единороднаго Сына Божія водруженъ на всемъ земномъ шарѣ. Милліоны дѣтски вѣрующихъ душъ готовы скорѣе умереть, чѣмъ разстаться съ обрѣтенною ими истиною во Христѣ. И какъ бы, кажется, и можно было всякому человѣку съ здравымъ умомъ иначе отнестись къ этому чуду безпредѣльной любви Отчей, величайшему изъ всѣхъ событій и чудесъ въ мірѣ? Когда отецъ дѣлаетъ что-либо пріятное для своихъ дѣтей, чего естественнѣе ожидать отъ этихъ дѣтей: того ли, что они начнутъ умствовать, анализировать психологическія начала, которыми водится ихъ отецъ въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ нимъ, — или того, что въ простотѣ дѣтскаго сердца примутъ то, что имъ даютъ, будутъ чувствовать любовь Отца и радоваться ей? Растеніе, если бы представить его одушевленнымъ, тѣмъ ли живится и питается, что оно знаетъ, какъ и откуда происходитъ дождь, или самую эту влагою? А между тѣмъ что дѣлаетъ съ богооткровенною, живою Истиною человѣкъ мысли? вмѣсто усвоенія ея всею жизнію своею, онъ спѣшитъ прежде всего изслѣдовать ее, исчерпать своимъ умомъ, составить наивозможно полное и законченное *понятіе* о ней... Но содержаніе христіанства такъ безконечно-богато и неисчерпаемо для понятій и въ историческомъ и въ соціальномъ и въ философскомъ отношеніи? Тѣмъ хуже для любознательнаго ума: онъ не остановится, не дастъ сердцу покоя, пока не подвергнетъ своему анализу и всестороннему обсужденію всего, что только ни попадетъ ему на пути христіанства... Но христіанству, кажется, такъ не свойственна

отвлеченная теорія, оно такъ прямо затрогиваетъ наши глубочайшія чувства, такъ непосредственно касается нашей природы и жизни? Новая и еще большая опасность для самолюбивой мысли: она тѣмъ съ большею жадностію бросается на столь богатое и привлекательное содержаніе, спѣшитъ со всѣхъ сторонъ обозрѣть, измѣрить, разграничить его и тотчасъ же эгоистически овладѣть имъ, — чтобы самую жизнь такимъ образомъ сдѣлать лишь своимъ исключительнымъ достояніемъ, оцѣпить ее своими формулами, опредѣленіями, заключеніями, — задушить, такъ сказать, эту новую жизнь въ новой системѣ... И что же выходитъ? Выходитъ то, что свѣтъ дѣйствительно самъ закрываетъ отъ насъ источникъ свѣта — солнце съ живительною теплотою его; вмѣсто нравственного царства, во всѣ времена являемаго истинною Церковію, мы получаемъ систему его; свободное вліяніе небесной благодати думаемъ замѣнить доказательствами школы; разслѣдованное, изученное, систематизированное немощною мыслию Откровеніе Бога становится недѣломъ Божиимъ, а будто нашимъ собственнымъ произведеніемъ; Евангеліе Сына Божія обращается въ мнимое философское убѣжденіе; Его таинства являются логическою необходимостію; Иисусъ Христосъ наконецъ есть какъ будто тоже своего рода логическая необходимость въ мірѣ; даже самъ Богъ оказывается естественнымъ произведеніемъ нашихъ собственныхъ мыслей... Но и этого для философской гордости мало: наша эгоистическая мысль, сама мысль или, какъ выражается извѣстная школа, идея съ ея логикою и есть именно нашъ богъ, творецъ и зиждитель вселенной!...

Для здраваго смысла странныя, дикія, для вѣрующая-

го сердца—страшныя, невѣроятныя убѣжденія! Это ли духовная свобода, обѣщанная Спасителемъ отъ познанія истины? Это ли плоды любви—евангельскаго пробнаго камня истины? Это ли истина жизни, зарожденной изначала и обновленной христіанствомъ? Но для мысли, изолированной отъ ежеминутнаго, отрезвляющаго опыта этой жизни, и нѣтъ другаго исхода, какъ больше и больше *уразумѣвать суетная и быть, яко Богъ*. И если для человѣка съ здравымъ смысломъ съ перваго взгляда видна вся суета такого мнимаго знанія, то не такъ скоро могла это видѣть философская наука въ концѣ прошлаго и первой четверти настоящаго столѣтія, ослѣпившая ученый міръ такъ лстящимъ самолюбію человѣка обоготвореніемъ его собственной мысли.

И вотъ, когда такое-то обоготвореніе мысли съ запада начало проникать и въ нашъ русскій ученый міръ и кружить головы неопытнымъ мыслителямъ, подъ сѣнію святой кіево-печерской лавры выступилъ на духовно-учебную дѣятельность и нашъ почившій, дорогой наставникъ—философъ. Богато одаренный отъ природы не только умомъ, но и сердцемъ, отъ начала до конца своей жизни искренній сынъ Церкви и горячій патріотъ, онъ смѣло изслѣдовалъ туманную глубину тогдашней гордой и блестящей философіи, русскимъ сердцемъ понималъ причину ея болѣзненныхъ крайностей и всею многолѣтнею дѣятельностію, въ своей наукѣ и жизни, старался доказать, что *быть отъ истины* значитъ любить, любить не словомъ только или языкомъ, но дѣломъ и истиною.

Усиліе выяснить царственную печать, которою Творецъ запечатлѣлъ душу человѣка при его созданіи, и уразумѣть живой, въ каждый моментъ и во всѣхъ про-

явленіяхъ человѣческой жизни дѣйствующій, союзъ нашей души съ одной стороны съ безконечнымъ Творческимъ Духомъ, съ другой—съ планетною жизнію, усиленіе самое настойчивое, напряженное, въ сущности взгляда независимое отъ вліянія какихъ либо иностранныхъ теорій, составляло отличительную черту всѣхъ философскихъ чтеній и произведеній покойнаго профессора, и объясняетъ между прочимъ его преимущественную любовь къ великимъ мудрецамъ древности Сократу и Платону. Исторія въ свое время оцѣнить, насколько вѣрно понялъ покойный профессоръ потребность своего времени и насколько успѣлъ удовлетворить ей, и укажетъ ему достойное мѣсто въ ряду отечественныхъ мыслителей. Для нашей цѣли достаточно напомнить, что въ то время, когда западная философія цѣнила чело-вѣка преимущественно по его схоластически-развитой головѣ и едва удостоивала вниманія требованія живаго, любящаго сердца,—въ духѣ человѣческомъ видѣла почти одинъ холодный, всезнающій умъ, забывая о другихъ, питающихъ самый умъ и по меньшей мѣрѣ столько же, какъ и онъ, коренныхъ сторонахъ нашей природы, — когда эта философія, лишенная сама, слѣдовательно, жизненной почвы, часто шла наперекоръ здравымъ практическимъ требованіямъ истины,—нашъ покойный наставникъ видѣлъ узелъ, въ которомъ органически соединяются между собою небесный и земной элементы нашей чудной природы и сосредоточиваются всѣ явленія и свойства человѣческой личности въ *чувствѣ*, или сердцѣ (1), одинъ полюсъ котораго оживляетъ и характеризуетъ наши земныя, планетныя отношенія, другой же

(1) См. Литограф. Записки по Психологіи, особенно заключеніе Пневматологіи.

непрестанно обращенъ къ питающему его вѣчному источнику свѣта и жизни, къ лону безпредѣльной любви Отчей. Поэтому, отдавая должное стремленіямъ ума человѣческаго, „радуясь, какъ онъ выражался, (1) всякому новому познанію и вплетая его, какъ новое украшеніе, въ побѣдный вѣнокъ ума“, онъ отдавалъ преимущественное значеніе нравственнымъ интересамъ человечества, составляющимъ цѣль не только его знаній, но и всего его существованія; а „нравственно-добрый человекъ“, по его словамъ, (2) не тотъ, кто думаетъ, „что онъ окончательно исполнилъ нравственный законъ и остановился въ своей дѣятельности (горе ему!): но тотъ, кто неослабно и вѣчно стремится исполнять его. Въ этомъ стремленіи состоитъ его блаженство и наслажденіе!“

Одушевленный такою философіею жизни, какъ любилъ покойный профессоръ выводы своей *теоріи* прояснять явленіями ежедневнаго опыта, искать путей живой истины и въ сферѣ студенческаго быта, и на общественной площади, и въ мастерской какого либо ремесленника! Среди этихъ-то, можно сказать, дружескихъ, задушевныхъ бесѣдъ покойнаго наставника научились мы цѣнить не только глубокій умъ, но и теплое, благородное сердце его, научились не только уважать, но и любить его любовію, которая *николиже отпадаетъ* и которая такъ отрадно для каждаго наставника выражается въ настоящемъ многочисленномъ собраніи и въ скорби его бывшихъ слушателей.

Но, проповѣдникъ дѣятельной истины, онъ самъ былъ и добросовѣтнѣйшимъ исполнителемъ ея вну-

(1) Введеніе въ философію Карпова. Стр. 105.

(2) Тамъ же.

шений, образцомъ ревности къ своему дѣлу, и трудолюбія, не ослаблявшагося ни лѣтами, ни неприятностями, испытанными имъ изъ за любви къ своей наукѣ, ни множествомъ разнаго рода обязанностей, которыя помимо профессорскаго долга возлагались на него начальствомъ, или которыя онъ самъ по лучшимъ побужденіямъ сердца возлагалъ на себя. Чего стоили для него одинъ переводъ на русскій языкъ и изданіе твореній любимаго имъ Платона, нетолько не обѣщавшіе переводчику матеріальныхъ выгодъ, но сопряженные для него съ немалыми пожертвованіями? „Великіе гении на „поприщѣ науки“ такими мыслями и чувствами водился покойный профессоръ (1), „суть свойственники не „народа, а цѣлаго человѣчества; ихъ произведенія суть „достояніе всѣхъ вѣковъ. Поэтому русской литературѣ „было бы стыдно предъ вѣками и человѣчествомъ не „усвоить себѣ того, что справедливо почитается украшеніемъ каждой литературы“.

За нѣсколько недѣль до своей послѣдней болѣзни, чувствуя возрастающую слабость физическихъ силъ, онъ не безъ глубокаго душевнаго волненія заявилъ, гдѣ слѣдуетъ, о намѣреніи наконецъ оставить горячо любимую имъ академію; но за тѣмъ ли, чтобы искать себѣ такъ заслуженнаго имъ и нужнаго ему покоя послѣ 42-хъ лѣтнихъ трудовъ? Отнюдь нѣтъ; и малый остатокъ своихъ силъ онъ желалъ еще посвятить все же труду, все тому же духовному юношеству, только на другомъ, казавшемся ему болѣе посильнымъ, поприщѣ... Невольно становится стыдно за себя и вообще за болѣе молодое поколѣніе дѣятелей науки въ ви-

(1) Сочиненія Платона, переведенныя и объясненныя профессоромъ Карповымъ. Предисловіе къ первому изданію.

ду такого неутомимаго, честнаго и до послѣдняго издыханія вѣрнаго своему призванію труженика...

Уже слегши въ постель, на которой скоро суждено было умереть покойному, какъ сожалѣлъ онъ, что его слушатели остаются безъ его уроковъ, какъ сожалѣлъ особенно, что не успѣлъ прочитать имъ еще одну, почему-то казавшуюся ему особенно нужною, лекцію: „хотя одну, только одну лекцію“, говорилъ онъ, „хотѣлъ бы я сказать своимъ студентамъ, и тогда покойнѣе оставался бы дома“.. Это вамъ, гг. студенты, такъ желалъ покойный профессоръ сказать свою лекцію. Вотъ онъ, — этотъ послѣдній урокъ, теперь слышится самъ собою изъ этого гроба, урокъ труда честнаго, неустаннаго до гроба, урокъ служенія истинѣ не словомъ, или языкомъ, но дѣломъ, любовію; ваши силы свѣжи и гибки, сердце воспримчиво; главная задача жизни еще предъ вами впереди; воспитывайте себя теперь же къ дѣятельной истинѣ, къ великому служенію благу общественному, къ бодрому перенесенію трудовъ въ дѣлѣ просвѣщенія и утѣшенія меньшей братіи во Христвъ; будущіе провозвѣстники и служители небесной истины, не медлите теперь же, въ предѣлахъ вашей студенческой жизни и занятій усвоить ее не умомъ только, но прежде всего вашимъ сердцемъ и вашею волею, чтобы быть прежде исполнителями, и потомъ уже вмѣстѣ и учителями слова истины!

Всегда мы знали, что покойный профессоръ благоговѣлъ предъ всѣми внушеніями и обычаями церкви, и потому естественно было слышать, что предъ смертію своею онъ неоднократно удостоился приобщенія святыхъ Христовыхъ Тайнъ. Но многимъ ли извѣстно, какъ онъ, самъ прошедшій путемъ бѣдности, такъ обычной

въ нашемъ званіи, сочувствовалъ всякому нуждающемуся, любилъ помочь совѣтомъ и дѣломъ и бѣдному семинаристу и оставшемуся почему либо ни причемъ студенту академіи, особенно же сиротамъ и вдовамъ, нерѣдко издалека обращавшимся къ нему за помощію и покровительствомъ? Въ послѣдніе дни его жизни, когда онъ могъ уже предвидѣть окончательную невозможность продолжать службу, его естественно тяготила мысль о возможной бѣдности и сиротствѣ собственныхъ своихъ многочисленныхъ дѣтей и о вдовствѣ собственной супруги, съ нѣжною любовію, какъ кроткій ангелъ, оберегавшей его старость; повѣривъ ей свои заботы на этотъ счетъ, онъ, какъ самъ еще рассказалъ мнѣ уже на смертномъ одрѣ, могъ утѣшить ее и себя только этими истинно-утѣшительными словами писанія: *возверзи на Господа печаль твою и Той ты препитаеasz* (Пс. 54, 23).

Но я опасаясь, братіе, что увлекаемые воспоминаніями о покойномъ, мы выражаемъ къ нему любовь нашу не столько дѣломъ и истиною, сколько словомъ и языкомъ. Любить же его дѣломъ и истиною въ эти священные минуты, значить молиться о немъ молитвою вѣры въ Бога, Который *не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ*, — и молитвою *николиже отпадающей любви*, которая составляетъ живой, во вѣки неразрываемый и сладостный союзъ вѣрующихъ и любящихъ душъ горняго и дольняго міра. Обратимъ же мысли и сердца наши горѣ и соединимъ ихъ предъ Отцемъ нашимъ небеснымъ во едино, въ этой заупокойной молитвѣ святой Церкви нашей:

„Боже духовъ и всякія плоти, смерть поправый, и діавола упразднивый, и животь міру Твоему даровавый,

Самъ Господи, упокой душу усопшаго раба Твоего Василя въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, отнюдуже отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе; всякое согрѣшеніе, содѣянное имъ словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ, яко благій человекълюбець Богъ прости; яко нѣсть человекъ, иже живъ будетъ, и не согрѣшитъ: Ты бо единъ кромѣ грѣха, правда Твоя правда во вѣки, и слово Твое истина“. Аминь.

